

И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировое языкознание

В.М.Алпатов

Институт языкознания РАН

И.А.Бодуэн де Куртенэ, статика, динамика, фонема, морфема, слово

Значительное место И.А.Бодуэна де Куртенэ в мировой науке о языке общепризнано. В то же время, если некоторые его идеи, прежде всего – введение в научный оборот понятия фонемы, хорошо известны, то многое в его наследии еще требует изучения.

Это изучение осложняет одна особенность данного лингвиста. В отличие от ряда других ученых (В. фон Гумбольдта, Н.В.Крушевского, Ф. де Соссюра и др.), И.А.Бодуэн де Куртенэ не оставил нам труда, в котором бы в концентрированном виде излагалась его научная концепция. К работам такого рода он не был склонен. Полностью со взглядами ученого можно познакомиться, лишь рассматривая его научное творчество целиком, включая и мелкие заметки, и работы по, казалось бы, узким проблемам. Лучшее представление о них дает изданный Академиями наук СССР и Польши в 1963 г. двухтомник [Бодуэн де Куртенэ 1963] (далее ссылки на это издание будут даваться с указанием лишь номеров тома и страницы). К сожалению, переиздать его в наше время не удастся по чисто техническим причинам: трудно найти наследников всех редакторов и переводчиков издания. Но и в этих двух томах наследие ученого представлено не полностью, в том числе там нет его работ по языковой политике.

В одной из публикаций 1902 г. И.А.Бодуэн де Куртенэ с излишней скромностью писал: “Как вследствие неумения работать и сосредоточиваться, так и по обстоятельствам жизни, я разменялся на мелкие гроши и вместо чего-нибудь цельного и заслуживающего внимания сочинял какие-то осколки и обрывки” (2, 19). Такая самохарактеристика, конечно, до конца не может быть принята. Однако действительно ученый, работавший более шестидесяти лет и написавший более четырехсот работ, оставил после себя немного книг или публикаций большого объема, а те, что есть, посвящены в основном сравнительно узким темам: описание хорватских диалектов, латинская фонетика, фонетические альтернативы, история польского языка. Исключение – разве что учебник введения в языкознание (первое издание в 1908), теперь переизданный издательством УРСС [Бодуэн де Куртенэ 1908/2004], но и он затрагивает не все вопросы языкознания. Наиболее концентрированным изложением концепции автора, пожалуй, стала статья “Язык и языки” (1904) в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (2, 67-95). Однако сам жанр энциклопедической статьи требовал большой краткости и популярности изложения. А многие важнейшие и продуктивные идеи излагались Бодуэном де Куртенэ лишь попутно, по ходу обсуждения каких-либо иных, часто довольно узких вопросов.

Другая черта, затрудняющая восприятие идей И.А.Бодуэна де Куртенэ, связана с тем, что он никогда не “успокаивался на достигнутом”. Ученый постоянно находился в процессе поисков истины и нередко менял свои взгляды. Например, понятия фонемы, морфемы, слова и определения этих понятий далеко не одинаковы в его работах разных лет. Представить его учение в каком-то статичном и законченном виде невозможно.

Эти черты научного характера Ивана Александровича следует учитывать при рассмотрении его наследия. С другой стороны, пониманию его идей способствуют и другие факторы: большая четкость и ясность изложения, умение писать просто о сложном, что выделяло его среди многих современников.

Время деятельности И.А.Бодуэна де Куртенэ охватывает шесть десятилетий: с конца 1860-х до конца 1920-х гг. За это время многое в науке изменилось, в том числе и при участии Ивана Александровича. Когда он начинал работать, полностью господствовал исторический подход к языку. Считалось, что изучение языка без обращения к его истории может быть лишь “описательным”, а объяснение того или иного явления

языка состоит в указании на его происхождение. Другой чертой эпохи был крайний эмпиризм, "преклонение перед фактом", по выражению В.Н.Волошинова, нелюбовь к обобщениям. Ученые в большинстве случаев фиксировали исторические изменения в языках, но не стремились выявить причины этих изменений. Обе указанные черты не принял И.А.Бодуэн де Куртенэ.

Уже в ранней работе "Некоторые общие замечания о языковедении и языке", написанной 26-летним ученым¹, автор, еще не всегда свободный от влияния традиции, уже начинает выходить за рамки чисто исторического подхода к языку. Среди разделов "чистого языковедения" выделяется "всесторонний разбор положительно данных, уже сложившихся языков", среди которых выделены "живые языки народов во всем их разнообразии"(1, 62). Историческая фонетика признается лишь в качестве одной из трех дисциплин, изучающих звуковую сторону языка. Две другие дисциплины не связаны с историей: одна из них рассматривает звуки с чисто физиологической точки зрения, другая – "с морфологической, словообразовательной" точки зрения. Здесь уже можно видеть прообраз будущего разделения антропофонии и психофонетики.

В дальнейшем И.А.Бодуэн де Куртенэ, никогда не отказываясь от правомерности исторического подхода к языку, постоянно обращался к анализу современных языков и призывал рассматривать их не только в "динамике", но и в "статике". В программе казанских лекций 1877-1878 гг. он писал: "Исследованием законов равновесия языка занимается статика, исследованием же законов движения во времени, законов исторического движения языка – динамика" (1, 110). Стремление к изучению живых языков сказывалось и на научно-общественной деятельности ученого. Он много лет выступал против классического образования, уделявшего главное внимание преподаванию "мертвых" греческого и латинского языков; в таком внимании Бодуэн де Куртенэ видел лишь "унаследованный от прошлого пережиток". Он подчеркивал: "Только живой язык, язык, существующий в голове ученика, поддается всестороннему наблюдению и опыту" (2, 134), поэтому как "средство развития ума" необходимо лишь преподавание родного языка учащихся.

В то же время Бодуэн де Куртенэ никогда не отрывал статику (синхронию) от динамики (диахронии) так, как это делал его знаменитый младший современник Ф. де Соссюр. Ученый указывал: "В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики" (1, 349). Совсем иной была точка зрения Ф. де Соссюра, для которого между синхронией и диахронией лежала непреодолимая пропасть.

Тем не менее, наибольшее признание в мировой науке идеи И.А.Бодуэна де Куртенэ получили как раз там, где у него речь шла о статике. Это, прежде всего, введение двух фундаментальных лингвистических понятий – фонемы и морфемы. Хотя оба термина существовали и до него, но приоритет ученого в формировании современных представлений о фонеме и морфеме общепризнан не только в России и Польше, но и во всем мире.

Термин "фонема", как указывал сам Иван Александрович, он взял по совету своего ученика Н.В.Крушевского как раз у Ф. де Соссюра (но не из знаменитого "Курса общей лингвистики", тогда еще не существовавшего, а из ранней книги о праиндоевропейской системе гласных), коренным образом переосмыслив. Впервые этот термин появляется в работе 1881 г. "Некоторые отделы "Сравнительной грамматики славянских языков" (1, 121-123). Определения фонемы 1881, 1895, 1899, 1927 и других лет имели частные различия, но неизменными оставались два положения: множество произносимых звуков сводится к небольшому количеству фонем, фонемы имеют психологический харак-

¹ Эта работа – один из редких примеров его общелингвистической публикации в чистом виде; поэтому она – единственный текст ученого в хрестоматии В.А.Звегинцева [Звегинцев 1964: 263-283]. Однако это ранняя публикация, в которой концепция И.А.Бодуэна де Куртенэ не во всем сложилась.

тер. Как справедливо указывает современная исследовательница наследия ученого А.Адамская-Салачак, разные определения фонемы у Бодуэна де Куртенэ, различаясь в теории, существенно не отличаются при их применении на практике [Adamska-Salaciak 1998: 40].

Введение И.А.Бодуэном де Куртенэ понятия фонемы не означало того, что раньше соответствующей проблематикой никто не занимался. Давно отмечено, что создатели древних алфавитов были "стихийными фонологами", а среди фонетических различий еще в древности в первую очередь принимались в расчет те, которые имели психологическую значимость. Однако всё это происходило, разумеется, без какой-либо строгости. Фонетические различия, не имеющие фонологической значимости, в большинстве вплоть до XIX в. просто не замечались. Но когда фонетика к концу этого века стала экспериментальной, то уже первые, самые несовершенные приборы обладали слишком большой различительной силой по сравнению с нуждами лингвистики того времени. Выявились звуковые различия, не замечавшиеся ни носителями языков, ни лингвистами. Стало ясно, что для лингвистических потребностей нужны критерии, отличные от чисто физических или физиологических.

Впервые в мировой науке над этим стали работать И.А.Бодуэн де Куртенэ и Н.В.Крушевский, а после ранней смерти последнего печатное изложение концепции выпало целиком на долю Бодуэна де Куртенэ. И.А.Бодуэн де Куртенэ всю науку о звуках называл фонетикой, или фонологией (эти два термина, которые позже стало принято различать, он употреблял как синонимы). В ее составе выделяются антропофоника и психофонетика, а также историческая фонетика. "Антропофоника занимается научным изучением возникновения преходящих фонационных явлений, или физиолого-акустических явлений языка, а также взаимных связей между этими явлениями" (1, 354). Антропофоника создает базу для психофонетики, но "только опосредованно принадлежит к собственно языкознанию, основанному целиком на психологии" (1, 354). В конце жизни ученый полностью относил антропофонику к естественным наукам. Психофонетика же – собственно лингвистическая дисциплина, изучающая "фонационные представления" в человеческой психике, а также их связи с другими представлениями: морфологическими и семасиологическими (семантическими). Впоследствии в лингвистике круг явлений, относимых И.А.Бодуэном де Куртенэ к антропофонике, стали относить к фонетике, а психофонетику называли фонологией. Лишь ученик Ивана Александровича Е.Д.Поливанов сохранял термин "психофонетика", как и концепцию учителя в целом, даже в 30-е гг. XX в.

Фонема при таком подходе – минимальная единица психофонетики. Вот одно из ее определений: "Фонема... есть однородное, неделимое в языковом отношении антропофоническое представление, возникшее в душе путем психического слияния впечатлений, получаемых от произношения одного и того же звука" (1, 352). Таким образом, фонема – не абстракция и тем более не конструкт, создаваемый лингвистом: в человеческой психике она существует вполне объективно, хотя у разных людей звуковые представления могут не совпадать.

Первоначально Бодуэн де Куртенэ считал, что "фонемы... неделимы психически", хотя соответствующие антропофонические единицы можно членить на части и дальше. Однако в его поздних работах 1910-1920-х гг. точка зрения изменилась: "Требования научного анализа, который обязан учитывать психические реальности, не позволяет нам останавливаться на фонемах". Предлагалось делить фонему на составляющие произносительные элементы – кинемы и на составляющие слуховые элементы – акузмы (2, 199 и др.). Последние понятия не прижились в лингвистике, но предвосхищали появившуюся уже в 50-е гг. концепцию дифференциальных признаков Р.Якобсона, Г.Фанта и Г.Халле.

Психологизм концепции Бодуэна де Куртенэ не был принят большинством его последователей, поскольку психологические критерии были (по крайней мере, в то время)

слишком нечеткими и субъективными. Поэтому лингвисты Пражской и Московской школ, а позже и часть непосредственных учеников Бодуэна де Куртенэ (прежде всего Л.В.Щерба), приняв идею фонемы, старались выработать иные, более строгие критерии выделения фонем. Однако и разграничение звука и фонемы, и выделение двух дисциплин, изучающих языковые звуки, остались и остаются до наших дней.

Морфема, минимальная единица морфологии, также понималась И.А.Бодуэном де Куртенэ психологически. Вот одно из его определений: "Морфема – любая часть слова, обладающая самостоятельной психической жизнью и далее неделимая с этой точки зрения.... Это понятие, охватывает, следовательно, корень..., все возможные аффиксы, как префиксы, суффиксы, окончания..., и так далее" (1, 272). Морфема также им понималась как реально существующая единица: "На все морфологические элементы живого мышления – морфемы, синтагмы... – следует смотреть не как на научные фикции или измышления, а только как на живые психические единицы" (2, 183). Во "Введении в языковедение" Бодуэн де Куртенэ приводил существование "обмолвок" вроде *брыками ногает, вертом хвостит* вместо *ногами брыкает, хвостом вертит* в качестве доказательства "реально-психического существования" морфем [Бодуэн де Куртенэ 1908/2004: 179].

И в определении морфем у Бодуэна де Куртенэ кое-что менялось. В приведенном выше определении 1895 г. он рассматривал морфему как часть слова, но в более поздних работах ("Язык и языки" и др.) он уже выделял морфемы независимо от слов.

Психологизм подхода ученого и здесь не был принят следующим поколением лингвистов, однако понятие морфемы прочно утвердилось. До того были лишь понятия корня и аффикса, а обобщающего понятия не существовало. Идея о морфеме как центральной единице морфологии стала одной из основополагающих в разных направлениях науки о языке XX в. В некоторых из них она приобрела большую значимость, чем слово.

Оригинальными были и взгляды И.А. Бодуэна де Куртенэ на слово. С 1900-х гг. он отказался от свойственного традиционному языкознанию словоцентризма: "Разве только слова произносятся? Слова являются обыкновенно частями фактически произносимого" (2, 247). Одним из первых в мировой науке он предложил при анализе языка рассматривать в качестве исходных единиц не слова, а целые высказывания. Эти высказывания могут подвергаться двоякому членению: "с точки зрения фонетической" и "с точки зрения морфологической". Первое членение предполагает выделение "фонетических фраз", "фонетических слов", слогов и фонем. Второе выделяет "сложные синтаксические единицы", "простые синтаксические единицы" ("семасиологически-морфологические слова") и морфемы (2, 76-79). Традиционное понятие слова, как можно видеть, расщепляется на два понятия: "фонетического слова" и "семасиологически-морфологического слова"; эти единицы имеют разные свойства и не всегда совпадают по протяженности. Здесь Бодуэн де Куртенэ, несмотря на сохранявшийся психологизм, сделал шаг в сторону выделения единиц языка на основе чисто лингвистических закономерностей: нерасчлененное понимание слова имеет, прежде всего, психологическую основу, а собственно языковые свойства "фонетических слов" и "семасиологически-морфологических слов" существенно различны.

Хотя более всего на развитие мировой науки повлияли идеи ученого в области статистики, для самого И.А.Бодуэна де Куртенэ особенно важны были проблемы языковой динамики, то есть закономерности языкового развития.

Как подчеркивает А.Адамская-Салачак, от других ученых той эпохи, также ставивших вопрос о причинах изменений в языке, он (как и Н.В.Крушевский) отличался признанием их системности, рассмотрением в связи со всей системой языка [Adamska-Salaciak 1998: 49]. Уже в ранней работе "Некоторые общие замечания о языковедении и языке" он выделял пять факторов, вызывающих развитие языка (1, 58). Среди этих факторов особо отметим "стремление к удобству", к разного рода "экономии работы":

работы мускулов, нервных разветвлений, слухового аппарата, головного мозга и др. Об экономии он наиболее подробно писал в статье 1890 г. "Об общих причинах языковых изменений" (1, 222-254).

Очень важным и получившим затем развитие в мировой лингвистике было положение Бодуэна де Куртенэ о том, что экономия по-разному происходит у говорящего и слушающего. Говорящему важно упростить свою работу, поэтому он бывает склонен к упрощению сложных звуков и звукосочетаний, к увеличению регулярности морфологической системы. Однако этому могут противодействовать потребности слушающего, которому важно облегчить восприятие; поэтому, например, процесс фонетического упрощения может не произойти там, где есть однокоренные слова. Потребность к экономии сил у говорящего и слушающего может противоречить друг другу и поддерживать друг друга. В последнем случае очень велика вероятность изменения в языке, которое сразу сказывается на всей системе.

Экономии и упрощению противостоит еще один фактор: консерватизм носителей языков, стремление сохранить язык в неизменном виде; особенно это свойственно "искусственным" литературным языкам. Не раз И.А.Бодуэн де Куртенэ указывал, что наиболее радикальные изменения происходят в речи детей, всегда как-то упрощающих то, что они слышали от взрослых; однако в дальнейшем это "новаторство" в большей или меньшей степени сглаживается. Особенно заметен, согласно Бодуэну де Куртенэ, принцип экономии, если целый коллектив меняет язык (ситуация субстрата): ряд сложных характеристик перенимаемого языка может не восприниматься. В случае конкуренции языков при прочих равных условиях побеждает более простой по своему строю.

Развитие языка Бодуэн де Куртенэ рассматривал не как случайный процесс, а как выражение тех или иных тенденций, которые могут быть разными в каждом конкретном языке. Скажем, для польского языка он отмечал постепенное сглаживание количественных противопоставлений в фонологии и их усиление в морфологии; для истории русского языка он отмечал общую тенденцию к ослаблению противопоставлений гласных и усилению противопоставлений согласных.

Такого рода тенденции могли не только выявляться в прошлом, но и проецироваться в будущее. Уже в упоминавшейся выше статье 1870 г. И.А.Бодуэн де Куртенэ поставил вопрос о прогнозировании языка, редко занимавший лингвистов-теоретиков. Отметим, что вышеупомянутое положение о тенденции развитию русской фонологии спустя столетие проверил М.В.Панов и выяснил, что она продолжала действовать и в XX в. [Панов 1990: 21-22, 442].

Особое мнение имел ученый и по вопросу о соотношении сознательного и бессознательного в языковых изменениях. И современные ему историки языков, и Ф. де Соссюр считали, что всё в языке может меняться только бессознательно и стихийно. С этим не был согласен И.А.Бодуэн де Куртенэ, который писал: "Язык не есть ни замкнутый в себе организм, ни неприкосновенный идеал, он представляет собой орудие и деятельность. И человек не только имеет право, но это его социальный долг – улучшать свои орудия в соответствии с целью их применения и даже заменить уже существующие орудия другими, лучшими. Так как язык неотделим от человека и постоянно сопровождает его, человек должен владеть им еще более полно и сделать его еще более зависимым от своего сознательного вмешательства, чем это мы видим в других областях психической жизни" (2, 140). Ученый обращал внимание в связи с этим на "искусственно образуемые" литературные языки, на разного рода тайные языки и аргю. Интересовали его и активно создававшиеся как раз в эту эпоху международные языки вроде эсперанто (из видных лингвистов того времени лишь он и О.Есперсен постоянно интересовались этими языками). Все эти языки конструируются вполне сознательно, тогда как при "живом" развитии языков наиболее существенную роль играют стихийные бессознательные процессы, однако сознательные изменения (например, подражательного характера) также возможны.

Надо сказать и об отношении И.А.Бодуэна де Куртенэ к постулатам сравнительно-исторического языкознания, которое, с современной точки зрения, может показаться нестандартным. Начиная с очень ранней статьи памяти А.Шлейхера, ученый постоянно критиковал наиболее четко выраженную именно этим ученым концепцию родословного древа языков, господствовавшую в компаративистике того времени (как и сейчас). Согласно ей, развитие языков – постоянный процесс распада некогда единых праязыков и последующего дробления языков-потомков, тогда как обратный процесс – вторичного объединения языков – принципиально невозможен. Бодуэн де Куртенэ, не отрицая, разумеется, возможности расхождения языков, считал такую схему слишком прямолинейной и не учитывающей всей сложности реальных процессов. В полемике с компаративистами, несколько заостряя свою точку зрения, он даже назвал одну из своих статей “О смешанном характере всех языков” (1, 362-372). По его мнению, например, английский язык не может считаться только германским уже потому, что в его лексике слов романского происхождения больше, чем германского; это означает, что данный язык – смешанный, германо-романский. Именно за интерес к проблеме смешения языков И.А.Бодуэн де Куртенэ ценил ранние работы Н.Я.Марра.

Особо обращал внимание Бодуэн де Куртенэ на так называемые пиджины и креольские языки, возникающие в зонах языковых контактов. В эту категорию он включал не только русско-китайский пиджин, использовавшийся для общения между русскими и китайцами на Дальнем Востоке, но и идиш, а во многом и английский язык. Он указывал, что с точки зрения концепции родословного древа русско-китайский пиджин попадает вместе с русским в число восточнославянских языков, но на деле он отличается от русского языка больше, чем любой славянский.

И.А.Бодуэн де Куртенэ считал, что концепция родословного древа “не выдерживает критики” и безусловно устарела. Однако вся совершенная методика сравнительно-исторических реконструкций, дающая плодотворные результаты уже почти два столетия, базируется на этой концепции, тогда как идея о “смешанном характере всех языков” не смогла стать основой для сколько-нибудь разработанного метода. Поэтому из родственного древа исходят и сейчас, хотя материал пиджинов или вторично воздействующих друг на друга диалектов требует какой-то корректировки, поэтому идеи Бодуэна де Куртенэ здесь могут быть актуальны.

Изучение языка, абсолютно не учитывающее его историю, Иван Александрович считал неправомерным; именно за это он критиковал индийскую науку о языке. Позже видный американский лингвист второй половины XX в. Дж. Гринберг писал: “Самыми глубокими из всех теорий были, вероятно, теории Крушевского и Бодуэна де Куртенэ, поскольку они включали в свои работы явно сравнительно-исторический компонент” [Greenberg 1979: 287]. С этим можно согласиться, однако для своего времени необходимо было, прежде всего, решительное размежевание со “сравнительно-историческим компонентом”. Как нередко бывает в истории науки, именно “простое проведение границ: это язык, а это речь, это синхрония, а это диахрония” [Рахилина 2000: 343] у Ф. де Соссюра имело наибольшие шансы на успех. Швейцарский ученый четче установил приоритеты: синхронное изучение, прежде всего, современных языков, а не исторические и сравнительно-исторические штудии. Нельзя забывать и того, что Россия и Польша нередко воспринимались в мире как периферийные в научном отношении страны.

В тесной связи с концепциями статики и динамики находились общие идеи ученого в отношении природы языка. Уже в статье памяти Шлейхера совсем молодой Бодуэн де Куртенэ решительно выступил против биологического подхода этого ученого, уподоблявшего язык живому организму. Он был против отнесения языкознания, за исключением лишь косвенно связанной с ним антропофонии, к естественным наукам (здесь был один из пунктов его несогласия с Н.В.Крушевским). Согласно И.А.Бодуэну де Куртенэ, эта наука является одновременно психологической и социологической. Его фор-

мулировки разных лет на этот счет не всегда совпадают: иногда, как в статье памяти Крушевского, он писал о чисто психологическом характере языка, однако в более поздних работах двойкий характер языка полностью подтверждается. В 1897 г. Бодуэн де Куртенэ писал: "Так как язык возможен только в человеческом обществе, то кроме психической стороны мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную. Основанием языкознания должна служить не только индивидуальная психология, но и социология" (1, 348).

Двойкий характер языка предполагал, согласно Бодуэну де Куртенэ, и соотношение индивидуального и коллективного в языке. Если социология – общественная наука по определению, то психология для ученых того времени была наукой исключительно индивидуальной. И Бодуэн де Куртенэ спорил по многим вопросам с младограмматизмом, господствовавшим в языкознании его времени, однако также полагал, что единственная реальность – язык индивидуума. Поскольку процессы, происходящие в человеческом мозгу, реальны, то индивидуальный язык – не абстракция, а реально существующее явление. Однако польский или русский язык – это лишь абстракция, "среднее случайное соединение языков индивидуумов".

Все изменения, как считал И.А.Бодуэн де Куртенэ, происходят в языках индивидуумов, однако у разных людей могут происходить сходные изменения: "В языковом отношении индивидуум может развиваться только в обществе, но язык как общественное явление развития не имеет и иметь не может. Он может иметь только историю. История – это последовательность однородных, но разных явлений, связанных между собой причинностью не непосредственной, а только опосредованной" (1, 208).

Хотя тенденции в языке могут быть выделены, ученый скептически относился к выделению общелингвистических законов, по которым развиваются или функционируют языки. Многократно в его работах (кроме самых ранних) повторяется тезис: "Нет никаких "звуковых законов" (1, 192 и др.) (здесь он также расходился с Н.В.Крушевским). Хотя структурная лингвистика, начиная с Ф. де Соссюра, избегала термина "закон", но ее подход скорее был ближе к идеям Крушевского.

Интерес к социологии и психологии языка не исчерпывался у И.А.Бодуэна де Куртенэ чисто теоретическими рассуждениями. В течение девятнадцати лет он постоянно записывал речь каждого из своих пятерых детей. Для более точного понимания психологии языка он призывал лингвистов "заглядывать время от времени в дома умалишенных и тюрьмы", поскольку там можно наблюдать "людей с языковыми отклонениями и с психическими отклонениями вообще". Показательно и его предисловие к книге о "блатной музыке" (2, 161-162), которая интересовала ученого и с социолингвистической точки зрения.

В то время еще не существовало социолингвистики как отдельного раздела языкознания (одним из ее создателей станет ученик Ивана Александровича Е.Д.Поливанов). Однако и социологический подход к языку, и политическая активность толкали Бодуэна де Куртенэ в сторону рассмотрения вопросов языковой политики и национальной политики в целом. В статье 1908 г. "Вспомогательный международный язык" он писал: "Не тот или иной язык мне дорог, а мне дорого право говорить и учить на этом языке. Мне дорого право человека оставаться при своем языке, выбирать его себе, право не подвергаться отчуждению от всесторонней употребляемости собственного языка, право людей свободно самоопределяться и группироваться, тоже на основании языка" (2, 145). Для царской России такие формулировки были достаточно смелыми. Начиная с 1906 г. Бодуэн де Куртенэ опубликовал несколько брошюр и статей по национальному вопросу, за одну из которых подвергался судебному преследованию. Как уже сказано, эти работы не вошли в двухтомник 1963 г., но одна статья в наши дни переиздана [Бодуэн де Куртенэ 1916/2003].

Иван Александрович предлагал пути решения национального, в том числе национально-языкового вопроса в Польше, исходя из ее сохранения в составе России, но в

качестве автономного образования. Он высказывал при этом ряд любопытных идей, и сейчас не потерявших актуальности, и разработал программу последовательно демократического развития всех языков и народов Российской империи. Эта программа сочтала в себе глубокие и перспективные идеи с явными чертами утопизма. В ряде пунктов он предвосхитил попытку создать принципиально новую национально-языковую политику, предпринятую в нашей стране после 1917 г. Развитие в самой Польше после ее отделения от России, однако, пошло по-иному: в сторону полного господства польского языка над остальными.

Среди работ И.А.Бодуэна де Куртенэ одна представляет особый интерес именно сейчас. Это статья "Языкознание, или лингвистика XIX века", опубликованная впервые в 1901 г. Подводя итоги науки о языке XIX в., ученый дал развернутый прогноз развития этой науки на следующий век (2, 16-18). Теперь, когда этот век завершился, интересно рассмотреть, насколько сбился этот прогноз. Не всё здесь оправдалось: например, Бодуэн де Куртенэ переоценил еще господствовавший в 1901 г. исторический подход к языку: "понятие развития и эволюции" не стало "основой лингвистического мышления", как он предсказывал. Неправ он был и там, где предсказывал грядущий отказ от родословного древа.

Однако очень во многом Бодуэн де Куртенэ оказался хорошим предсказателем. Он предугадал и математизацию лингвистики, и стремление многих ученых к объективности подхода, и всё больший отход от исследования любых языков в европейских категориях, и значительный прогресс в изучении родственных связей неиндоевропейских языков, и развитие лексикологии и семантики, и ко многому другому. Иногда даже там, где ближайшее будущее, казалось, не оправдывало прогноз Бодуэна, он в далекой перспективе оказался прав. Сразу в нескольких пунктах своего прогноза он писал о признании психологических основ лингвистики в XX в. Однако, в первой половине века ее развитие шло в прямо противоположном направлении, в сторону отказа от всякого психологизма. Но с конца 50-х гг. и особенно с 60-х гг. в ряде влиятельных лингвистических направлений наметился принципиально иной подход, возвращающийся на более высоком уровне к тому, что было раньше. И Н.Хомский определил лингвистику как "особую ветвь психологии познания" [Хомский 1968/1972: 12]. Анализ идей И.А. Бодуэна де Куртенэ о будущем развитии лингвистики см. в работах [Кибрик 1995; Алпатов 2003].

И, безусловно, одним из создателей лингвистики XX века был сам Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ, идеи которого оказали значительное влияние на многих лингвистов. Многие из того, о чём он писал, остается актуальным и сейчас.

Литература

Adamska-Salaciak A. Jan Baudoin de Courtenay's Contribution to General Linguistics // *Historiographia Linguistica*. – 1998. – 1-2.

Greenberg J. Rethinking Linguistics Diachronically // *Language*. – 1979. – V.55.

Алпатов В.М. Сто лет спустя, или сбываются ли прогнозы? // *Вопросы языкознания*. – 2003. – №2.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Введение в языковедение. С приложением: Сборник задач по "Введению в языковедение". – М.: УРСС, 2004.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Возможно ли мирное сожительство разных народностей в России? // *Диаспор*. – 2003. – №1.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М.: Издательство АН СССР, 1963.

Кибрик А.Е. Современная лингвистика: откуда и куда? // *Вестник МГУ. Серия 9. Филология*. – 1995. – №5.

Панов М.В. История русского литературного произношения. – М.: Наука, 1990.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен. – М.: Наука, 2000.

Хомский Н. Язык и мышление. – М.: МГУ, 1972.